

РАЗДЕЛ «РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ»/
SECTION «RELIGIOUS STUDIES»

Серия «Политология. Религиоведение»

2014. Т. 8. С. 232–240

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 281.93

**Русское православное обновленчество в 1922–1923 гг.:
реформация или церковная революция?**

Д. А. Головушкин

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья посвящена русскому православному обновленчеству в 1922–1923 гг. Обращение к опыту организационного и идейного развития обновленческого движения в данный период свидетельствует о том, что оно заключало в себе целый ряд фундаментальных противоречий, и у исследователей есть основания для его вариативной оценки. Однако использование в работе выводов структурно-функционального анализа позволило найти интегративный подход к осмыслению данного феномена.

Ключевые слова: обновленчество, обновленческий раскол, реформация, религиозная революция.

Поставленный уже в 1922 г. профессором А. Г. Вульфiusом, специалистом по истории общественной мысли в Западной Европе, вопрос о том, что есть обновленчество – «реформация или революция», достаточно точно отражает содержание и характер современных дискуссий в отношении обновленческого движения советского периода. Если выводы отечественных исследователей 1970–1980-х гг. и отчасти начала 1990-х гг. сводились к пониманию обновленчества как одной из форм приспособления или эволюции русского православия в новых социально-политических условиях, то сегодня оно все чаще характеризуется как «обновленческая реформация» [5, с. 51], «протестантизм восточного обряда» [17, с. 7] или «кровавый переворот в церкви», инспирированный большевиками [23, с. 174–181].

Действительно, обновленчество советской эпохи, в силу своей противоречивости и многоплановости, создает мотив для вычленения наиболее видимых и частных сюжетов, актуальных для конкретного исторического времени. *Однако ответ на вопрос, в чем же действительно заключается специфика русского православного обновленчества 1922–1923 гг., революция это или реформация, не может быть поверхностным, а кроется в одновременном понимании условий его становления, особенностей организационного развития и основных идейных установок в данный период.*

Учитывая сложность исторической эпохи и самого религиозного феномена, при его исследовании целесообразным видится использование структурно-функционального анализа, который имеет дело с объектами, представляющими собой системы, и направлен на раскрытие их строения и функционирования. Одной из проблем, поднимаемых структурно-функциональным анализом, является изучение отношений между классом структур и классом функций. Решая этот вопрос, американский социолог Т. Парсонс сформулировал положение, согласно которому «любую систему, с одной стороны, можно рассматривать как структуру, т. е. ряд единиц или компонентов с определенными свойствами», «а с другой стороны, как события, процессы, в ходе которых “нечто происходит”» [13, с. 479]. Обозначенная Т. Парсонсом проблематика была конкретизирована и выведена на новый теоретико-методологический уровень Р. Мертоном, который ввел понятие «функциональных альтернатив». С его помощью ученому удалось показать, что существует широкое «поле» возможных вариантов выполнения действия при наборе конкретных структурных элементов. В результате было снято требование однозначного соответствия функции структурной единице и было доказано, что «функциональное единство» – это недостижимый ни в одной системе идеал, поскольку то, что функционально для одной части системы, может быть дисфункционально для другой, и наоборот. В свою очередь, это позволяет увидеть, что представлял собой обновленческий комплекс – как в содержательном плане, так и с функциональной стороны, как соотносилось в нем идейное развитие с внешними формами институциализации.

Центральным событием в истории русского православного обновленчества советского периода является обновленческий раскол. Его организация проходила при активном участии специальных государственных структур, курирующих вопросы антирелигиозной политики. Так, 11 апреля 1922 г. по указанию специального Секретного отдела (СО) ГПУ рождается инструкция о проведении организационного совещания «московской оппозиционной группы духовенства». Она признавала необходимость прихода к власти мужественных и решительных элементов, способных «принять практические меры к обновлению церковной иерархии при помощи даже поместного собора, который должен решить вопрос о судьбе патриаршества, о конституции церкви и ее руководстве» [9, с. 186].

Как следствие, чуть больше чем через месяц, в период с 12 по 18 мая 1922 г., патриарх Тихон (Белавин) был арестован, а во главе Русской православной церкви встало обновленческое Высшее церковное управление (ВЦУ). Для узаконения этого нового органа 16 июня 1922 г. тремя высшими иерархами Русской православной церкви – митрополитом Владимирским и Шуйским Сергием (Страгородским), архиепископом Нижегородским и Арзамасским Евдокимом (Мещерским) и архиепископом Костромским и Галицким Серафимом (Мещеряковым) – была принята специальная декларация («Меморандум трех»), в которой указывалось: «Рассмотрев платформу Временного Церковного Управления и каноническую законность управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Церковного Управления. Счи-

таем его единственно канонически законной верховной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными» [4, с. 218–219].

Всматриваясь во внешнюю канву этих событий, создается впечатление, что обновленчество начала 1920-х гг. можно свести к простому перевороту в церковном управлении, без образования новой конфессиональной структуры. Однако прежде чем утверждать, что это полностью соответствует действительности, обратимся к следующим фактам.

Во-первых, идея выхода из официальной церкви, раскола и образования новой религиозной организации для обновленчества была не нова и активно обсуждалась его сторонниками еще в начале XX в. [7, с. 105–111]. О возможности раскола писали и в 1917–1918 гг., указывая, что «русская реформация может уйти в раскол, который поднимет “знамя святого престола”» [1, с. 2]. В результате к началу 1920-х гг. в обновленческом движении сформировалась идея, что история христианства представляет собой сплошную перманентную революцию, слагающуюся из борьбы различных течений. «Если мы взглянем на историю христианской церкви, – писал по этому поводу один из обновленческих лидеров, профессор Б. В. Титлинов, – то мы увидим, что она есть сплошная революция, есть сплошной ряд переворотов» [18, с. 4].

Во-вторых, признавая бесспорным факт сотрудничества обновленцев с органами государственной власти, в том числе курирующими вопросы антирелигиозной политики, остается не до конца раскрытой позиция самого движения относительно этого «союза». Какие цели оно ставило, пытаясь заручиться поддержкой советского государства, и можно ли объяснить это желание лишь карьерными устремлениями обновленческих лидеров, их «предательской позицией» по отношению к интересам Русской церкви? Только ли это сервиллизм? Не стремилось ли русское православное обновленчество благодаря созданию новой церковной структуры, разорвавшей связи с самодержавием, приступить к реализации собственного утопического проекта – построению «свободной теократии, внутреннего объединения государства и церкви в общем организме Царства Божия» [16, с. 264].

Обращение к работам идеологов движения данного периода показывает, что обновленцы рассматривали революцию и социалистическое строительство как открывшуюся возможность для «насаждения на земле Царства Божия» [19, с. 36]. Для осуществления этой цели Церковь, по мысли одного из обновленческих лидеров, А. И. Введенского, должна была найти способ овладения социальными процессами, чтобы повернуть их в христианское русло. В своем докладе «Апологетическое обоснование обновленческого раскола» он настаивал: «Церковь не может быть внешней силой. Христос и этому учил многократно и достаточно ясно. Поэтому мы отказываемся от всякой политики внешне, церковно-государственно разрешать проблемы жизни. Но это не в коем случае не есть отказ от попытки воздействовать на жизнь... С высоты надмирного евангельского идеала, имея, так сказать, абсолютно правильные перспективы, церковь властна и должна указать путь жизни, одно благословлять, другое отстранять» [2, с. 20].

Другими словами, через моральный авторитет церкви, через этизацию социально-политических процессов обновленцы стремились определять развитие советской государственности. Они полагали, что «идя по этому пути, новая церковь может перегнуть и протестантский рационализм (так как деятели западной реформации были пророками веры, правды небесной, а не земной. – *Прим. авт.*), но может возродить и идею русского папизма» [20, с. 36].

В-третьих, встав во главе церковного управления, обновленчество продолжало развивать идею необходимости проведения религиозных реформ. Признавая тот факт, что смена власти в Церкви произошла неканоническим путем, обновленцы в то же время настаивали на том, что сами религиозные реформы должны проводиться только через Поместный собор, который прошел в Москве в конце апреля – начале мая 1923 г. Он стал наивысшей точкой в развитии русского православного обновленчества 1920-х гг. и его успешной попыткой легитимации в общецерковном масштабе. Одновременно это событие продемонстрировало еще одну очень важную особенность обновленческого движения советского периода: постоянно присутствующий в нем конфликт идей «революционности» и «соборности».

Таким образом, по своему внутреннему содержанию и смыслу события, происходившие в Русской православной церкви в 1922–1923 гг., следует оценивать как раскол, ставший следствием конфликта религиозных и нерелигиозных ценностей и приведший к созданию альтернативной/параллельной церковной организации. Однако по методам осуществления это была «революция сверху», совершенная при поддержке советского государства, отчасти провокаторами, отчасти группой православных реформаторов-фундаменталистов, стремящихся взять власть в Церкви и проводить церковный курс, способный влиять на политические и социально-экономические процессы в стране.

Теперь остается выяснить, какова же была глубина обновленческого раскола и вышли ли обновленцы в своих идейных исканиях и реформаторских преобразованиях за рамки православия как вероисповедания.

Уже в канун событий мая 1922 г. основную задачу религиозной реформы идеологи обновленчества видели в возрождении евангельского первохристианства, его учения, практики и внутренней динамики. Отвечая на вопрос, «что должен делать грядущий Собор», А. И. Введенский писал: «Первое с чем столкнется Собор – это с изменением психологии религиозного чувства. Для изменения религиозного сознания явилась необходимость изменения и основного принципа христианства... Христианство не есть статика, не есть законченный процесс, а есть динамика. А у творчества нет границ. Их не могут составить ни рамки исторической догматики, ни рамки исторической обрядности, ни формы исторической каноники» [3, с. 4].

В соответствии с этой установкой на прошедшем 16–29 мая 1922 г. учредительном собрании группы «Живая церковь» была принята «Программа церковных реформ, намеченных группой духовенства и мирян “Живая церковь”». Согласно ей, догматическая реформа подразумевала: «1. Восстанов-

ление евангельского первохристианского вероучения, с нарочитым развитием учения о человеческой природе Христа Спасителя и борьбе со схоластическим извращением христианства. 2. Развитие христианского учения о Боге как источнике правды, любви и милосердия в противовес древнееврейскому пониманию Бога как грозного мстителя и карателя грешников. 3. Развитие учения о происхождении мира от творческой воли Божией при участии производительных сил природы. 4. Развитие учения о человеке как венце и завершении премудрых актов творческих сил. 5. Развитие учения о спасении как восстановлении крестной любовью сыновства человека с Богом. 6. Церковь Христова как богочеловеческий союз для осуществления на земле Правды Божией. 7. Вечность как органическое развитие и завершение нравственного устроения личности человеческой. 8. Страшный суд, рай и ад как понятия нравственные» [14, с. 14].

Литургическая реформа «Живой церкви» предполагала: «1. Пересмотр церковной литургии и устранение тех наслоений, которые внесены в православное богослужение пережитым периодом союза церкви и государства, и обеспечение свободы пастырского творчества в области богослужения. 2. Устранение обрядов, являющихся пережитком древнего языческого мирозерцания. 3. Борьбу с суевериями, религиозными предрассудками и приметами, выросшими на почве народного невежества и монашеской эксплуатации религиозно доверчивых масс. 4. Приближение богослужения к народному пониманию, упрощение богослужебного чина, реформа богослужебного устава применительно к требованию местных и современных условий. 5. Исключение из богослужения выражений и идей, противных духу всепрощающей Христовой любви. 6. Широкое вовлечение мирян в богослужение, до церковного учительства включительно. 7. Коренную реформу проповеди как обязательной части богослужения, изгнание схоластики и приближение к евангельской простоте» [15, с. 14–15].

Данный документ свидетельствует о том, что в самом начале своего становления обновленческий комплекс 1920-х гг. формировался на границе религиозной системы, что позволило профессору Б. В. Титлинову охарактеризовать его как «реформацию в потенци» [21, с. 35]. Однако этот период был крайне непродолжительным, и уже к рубежу 1922–1923 гг. ведущие обновленческие организации были вынуждены смягчить свои реформаторские требования, к чему их подталкивали веские причины.

Во-первых, будучи «революцией сверху» и чтобы не быть «головой без туловища», обновленчество встало перед необходимостью «воцерковления обновленческого движения в церкви» [11, с. 5]. Но эта задача оказалась невыполнимой. Особенно на местах «все делалось так, чтобы показать, что обновленчество хуже любого раскола, хуже любой ереси. Как язычество оскверняет храм» [10, с. 78]. Причин для этого неприятия было множество, но отдельного внимания заслуживает следующее мнение. Пытаясь понять, что такое обновление церкви, казанский священник Г. Успенский писал: «Обновление церкви мыслится в двух отношениях – в идейном и жизненно-практическом. Первая сторона касается христианского поведения, согласо-

ния веры с делами. Давно отмечено христианскими правозаконниками и учеными, что у нас существует хорошо разработанная система вероучения и нравоучения, но мало ведется воплощения этих истин в жизнь, есть христианство и нет христиан. Все внешние обнаружения наших нестроений в виде обрядов, молитв и обычаев нуждается также в обновлении, хотя в этом отношении приходится считаться с обрядоверием массы верующих» [21, с. 4].

Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что органы советской власти, преследуя свои цели в области антирелигиозной политики, проводили коррекцию реформаторских программ обновленческого движения. Если в 1922 г. Л. Д. Троцкий был уверен в том, что Русской церкви не удастся «перескочить через буржуазную реформацию», и следовательно, необходимо «сменовеховским попам дать возможность открыто высказаться в определенном духе» [8, с. 162–163], то уже в марте 1923 г. в отношении обновленцев был утвержден другой курс. В отчетном докладе Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) в Политбюро ЦК РКП(б) от 22 марта 1923 г. отмечалось: «К Древле-Апостольской церкви примыкает значительное количество выдающихся проповедников бывших миссионеров. Некоторые из них действуют по идейным побуждениям. Среди широких масс белого духовенства, однако, точка зрения древле-апостольской церкви едва ли найдет сочувствие, так как там нет склонности к широкой реформации, борьба же с суевериями и предрассудками, прежде всего, ударит по карману массы деревенских попов. Большинство обновленцев на соборе, очевидно, пойдет не за «Древле-Апостольской», а «Живой церковью» во главе с протоиереем Красницким, считающим, что идти дальше «признания советской власти, социальной революции и мирового объединения трудящихся» (из платформы «Живой церкви») не следует и квалифицирующим всякую церковную реформацию как ересь... Принимая во внимание то, что «тихоновщина еще сильна на местах и может быть солидно представлена на соборе, комиссия думает придерживаться следующей тактики на соборе: 1) исключить из сферы обсуждения его вопросы канонические, которые, несомненно, внесут склоку и раскол, 2) свести собор к демонстрации торжественного признания советской власти, декрета об отделении церкви от государства и осуждения Тихона» [12, с. 370–371].

В результате, ради сохранения статуса-кво, к моменту открытия II Поместного (I обновленческого) собора Русской православной церкви обновленцы были готовы отказаться от большинства радикальных нововведений. Как следствие, прошедший с 29 апреля по 9 мая 1923 г. в Москве Поместный собор не касался острых догматических и канонических вопросов. Он объявил советскую власть защитницей заветов «социальной правды» и христианских идеалов, осудил международную и отечественную контрреволюцию, лишил патриарха Тихона (Белавина) патриаршего сана и монашества, отменил патриаршество, признал необходимым закрыть монастыри, разрешил второбрачие священнослужителей и белый брачный епископат, ввел в православной церкви григорианский календарь.

В совокупности эти факты позволяют говорить о том, что применительно к 1922–1923 гг. обновленчество развивалось скорее как реформаторское

движение в рамках русского православия, не имевшее ни внутренних причин, ни внешних стимулов вылиться в реформацию. Это согласуется с выводами профессора А. Г. Вульфуса, считавшего, что обновленчество – это «не реформация, не революция, а скорее реформа». По мнению исследователя, «реформация всегда направлена в сторону некоторого новообразования в области догмы, культа, заповеди и церковной организации; успех ее начинаний зависит, однако, не только от глубины и силы вступившего в противоречие с традиционными формами объективной религии религиозного переживания того или иного числа лиц, хотя бы и очень большого числа. Не меньшее значение имеет соединение чисто религиозного мотива противоречия и борьбы с другими интересами, коренящимися в социальных группировках общины и общем развитии культурной жизни... Из соединения разнообразных религиозных и социальных моментов совершенно удовлетворительно можно объяснить успех или неудачу тех или иных попыток религиозной реформации» [6, с. 18–19].

Однако достичь этого «соединения» русскому православному обновленчеству 1920-х гг. не удалось. В 1922–1923 гг., в период своего наивысшего подъема, оно заключало в себе целый ряд фундаментальных противоречий, не позволивших ему найти путь к собственному самоопределению. Это несоответствие между способом прихода к власти в церкви (революционность) и методами проведения религиозных реформ (соборность); стремление провести догматические, канонические и литургические реформы (модификация религиозного фундаментализма) и нежелание разорвать традиционные отношения клира и общины (обрядоверие); расхождение между содержанием социально-политических концепций движения (создание теократического государства соборного типа) и тем, как оно раскрывалось на практике, во взаимоотношениях с государством (сервиллизм). Как следствие, подобное отсутствие «функционального единства» достаточно быстро привело к идейному вырождению обновленчества и сделало безосновательным сам обновленческий раскол.

Список литературы

1. Антонин (*Грановский*), епископ. Будет ли в России реформация? // Знамя Христа. – 1918. – № 1. – С. 2.
2. Введенский А. Апологетическое обоснование обновленчества // Вестн. Священного Синода. – 1925. – № 1. – С. 18–28.
3. Введенский А. Что должен сделать грядущий собор! // Живая церковь. – 1922. – № 2. – С. 4.
4. Воззвание, или Декларация, трех высших иерархов Православной Русской церкви Сергия (Страгородского), митрополита Владимирского, Евдокима (Мещерского), архиепископа Нижегородского, и Серафима (Мещерякова) архиепископа Костромского, о признании ими каноничности самочинного обновленческого (живоцерковного) Высшего Церковного Управления (ВЦУ) // Акты Святейшего патриарха Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. – М. : Изд-во Православ. Свято-Тихонов. Богослов. ин-та, 1994. – С. 218–219.
5. Воронцова И. В. Л. Д. Троицкий как стратег обновленческой реформации / И. В. Воронцова // Вест. ПСТГУ. – 2009. – № 4 (33). – С. 51–62.

6. *Вульфюис А. Г.* Религия, церковь и реформация / А. Г. Вульфюис. – Пг. : Academia, 1922. – 39 с.
7. *Головушкин Д. А.* Формирование идеи выхода из синодальной церкви Российской империи в обновленческом движении начала XX века / Д. А. Головушкин // Государство, общество и церковь в истории России XX века : материалы XII Международ. науч. конф., Иваново, 20–21 февр. 2013 г. : в 2 ч. – Иваново, 2013. – Ч. 1. – С. 105–111.
8. Записка Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП (б) о политике по отношению к церкви // Архивы Кремля : в 2 кн. – М. ; Новосибирск, 1997. – Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – С. 161–164.
9. Инструкция ГПУ о проведении организационного заседания «московской оппозиционной группы» от 11 апреля 1922 г. // Архивы Кремля : в 2 кн. – М. ; Новосибирск, 1998. – Кн. 2. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – С. 185–186.
10. *Краснов-Левитин А. Э.* Лихие годы, 1925–1941: Воспоминания / А. Э. Краснов-Левитин. – Paris : Ymca Press, 1977. – 457 с.
11. Наши задачи // Соборный разум. – 1922. – № 1. – С. 5.
12. Отчетный доклад Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) в Политбюро ЦК РКП (б) о прodelанной работе от 22 марта 1923 г. // Архивы Кремля : в 2 кн. – М. ; Новосибирск, 1997. – Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – С. 366–371.
13. *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения / Т. Парсонс ; сост. Е. И. Кравченко ; под общ. ред. В. И. Добренъкова // Американская социологическая мысль. – М., 1996. – С. 462–525.
14. Программа церковных реформ, намеченных группой духовенства и мирян «Живая церковь», в развитии своих основных положений, принятых на учредительном собрании группы 16–29 мая 1922 года // Друг православного народа. – 1922. – № 3. – С. 14–15.
15. *Светлов П. Я.* Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания: (Богословско-апологетическое исследование) / П. Я. Светлов // Богослов. вестн. – 1903. – Т. 1, № 2. – С. 247–277.
16. Современное обновленчество – протестантизм восточного обряда : сборник. – М. : Одигитрия, 1996. – 348 с.
17. *Титлинов Б. В.* Историческое обоснование обновленческого движения / Б. В. Титлинов. – Самара : Самполиграфпром, 1926. – 8 с.
18. *Титлинов Б. В.* Новая церковь / Б. В. Титлинов. – Пг. ; М. : Типографская артель Л. Я. Ганзбург, 1922. – 85 с.
19. *Успенский Г.* Сущность обновленческого движения / Г. Успенский // Жизнь и религия. – 1922. – № 1. – С. 4–5.
20. *Шилкина М.* Подходы к изучению «обновленчества» в церковной и светской литературе / М. Шилкина // Вестн. РГГУ. – 2011. – № 17 (79). – С. 174–181.

Renovationism in Russian Orthodoxy in 1922–1923: Reformation or Religious Revolution?

D. A. Golovushkin

Russian A. I. Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg

Abstract. The paper considers whether the Russian Orthodox Renovationism in 1922 – 1923 represented a reformation movement or a church revolution. The analysis of organizational and ideological development of the Renovation movement at that time shows that the Renovationism indeed contained a number of fundamental contradictions, so the researchers have reasons to evaluate it differently. However, the structural-functional analysis, applied in this study, allowed to find an integrative approach to comprehension of this phenomenon.

Keywords: renovationism, renovation split, reformation, religious revolution.

Головушкин Дмитрий Александрович

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра религиоведения*

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп. 20, ком. 214
тел.: 8(3952)334372
e-mail: golovushkinda@mail.ru*

Golovushkin Dmitriy Alexandrovich

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Religious Studies*

*Russian A. I. Herzen
State Pedagogical University
room 214 building 20, 48, Moika river embankment, Saint Petersburg, 191186
tel.: 8(3952)334372
e-mail: golovushkinda@mail.ru*